С. С. Бойко

«Небесный огонь»: художественный мир рассказов Олеси Николаевой *

В XXI веке в России активно развивается проза православных писателей. Исследователь И. Леонов предложил определять ее отличительное свойство как теоцентризм. Это означает, что писатель и некоторые герои признают Бога центром мироздания и это отражается на поэтике прозы.

Теоцентрическая проза типологически отличается от прозы Нового времени. Она представлена десятками писательских имен, множеством произведений, которые неоднократно переиздаются. Однако отсутствие разработанного терминологического аппарата тормозит изучение этой прозы.

Понятие художественного мира в интерпретации В. Е. Хализева позволяет глубоко проанализировать прозу нового типа, показать, в чем состоит ее своеобразие, и ввести ее в широкий историко-литературный контекст.

Изучение художественного мира предполагает анализ системы персонажей, особенностей их речи и поведения, художественного времени и пространства, сюжета и его функций.

Олеся Николаева назвала мир своей прозы новой реальностью. Мир теоцентричен: пространство, время и человек связаны с вечностью. Обыденное и чудесное показаны в одном сюжетном ряду. Цитаты из Священного Писания и молитв органично входят в текст. Внелитературные задачи ставятся наряду с литературными.

События относятся к ситуации «я — здесь — сейчас». Рассказчица вовлечена в жизнь героев. Она одна из тех, кто ошибается, сомневается и вразумляется. Срединное положение рассказчицы и стилевое многоголосье способствуют созданию *энциклопедичной* системы персонажей. Божия воля влияет на сюжет, как и воля персонажей.

Теоцентрическая книга активно развивается в последние десятилетия. В литературу пришел писатель, который изображает мироздание как Божие творение и человека как часть мироздания.

герой-рассказчик; житийно-идиллический и авантюрно-героический «сверхтип»; речевая характеристика; система персонажей; художественное пространство и время; цитация

Когда в юности в домашнем кругу Олеся рассказывала свои институтские истории, Фазиль Искандер, друг дома Николаевых, «с интересом слушал, смеялся, потому что в них, действительно, было много забавного и даже абсурдного, а потом сказал: “Разве ты не пишешь прозу? Тебе надо прозу писать, ты замечательная рассказчица!”» [Николаева, 2016]. Действительно, талант рассказчика обогащает ее произведения разных жанров: поэмы и лирику, рассказы и повести, романы, публицистику, эссе.

Критика о творчестве Олеси Николаевой

Заслуженное признание Олеся Николаева получила как лауреат Российской национальной премии «Поэт», а также премий за лучшую поэтическую книгу, за лучшую стихотворную подборку года...

В ее лирике высоко оценили решение внелитературных задач: «среди поэтических составляющих серьезное, не скрывающее своей серьезности и даже учительности слово» [Шайтанов, 2006, с. 49], «ответ мировому обстоянию: ответ деятельный и связанный с призывом к творческому целительству» [Роднянская, 2018, с. 191].

Уже в 1998 году стихи О. Николаевой связывали с «эстетикой средневекового “реализма”, где всякое жизненное обстоятельство места и времени высвечено, по закону обратной перспективы, лучом “оттуда”, где всякое фактическое “здесь” обеспечено значимым “там”, где все тутошные узлы развязываются в загробное утро вечности» [Роднянская, 1998].

* Бойко С. С. «Небесный огонь»: художественный мир рассказов Олеси Николаевой // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 128–137. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.013>

© Бойко С. С., 2020

Высокую оценку получил и роман О. Николаевой «Меценат» (2013). Знаток литературы игумена Феофила (Лепешинская) в своей филологически выверенной рецензии отметила многоплановость, *энциклопедичность* романа, языковое богатство «роскошной, щедрой прозы», глубину гуманистической мысли: «Все конфликты с действительностью, запутанность судеб, все противоречия и мучения человека порождаются тем, что он не знает и не ищет своего места в мире, самого лучшего для себя, места, “где человек онтологически равновелик себе”» [Лепешинская, 2013].

В 2012 году рассказы Олеси Николаевой привлекли внимание критики в связи с появлением книги «“Небесный огонь” и другие рассказы». Алексей Варламов верно определил одну из координат положения такой книги в истории: «Русская литература XX века в самых высоких, трагических своих образцах от Андрея Платонова до Варлама Шаламова, от Михаила Булгакова до Виктора Астафьева прошла под знаком богооставленности, сиротства нашего, когда, казалось, Небо... от нас, грешных, навсегда отвернулось» [Варламов, 2012, с. 212]. А читатель «Небесного огня» удивляется и радуется «рассыпанным по этим страницам свидетельствам того, что мы не оставлены» [Варламов, 2012, с. 212].

Понятие «теоцентричная проза»

Новизна современной прозы состоит в том, что художественный мир произведения запечатлел мир людей как вписанный в мир воли Божией. Исследователь И. Леонов предложил определять это свойство как *теоцентричность* литературного произведения: «Центром мироздания признается Бог, при этом он понимается не в отвлеченном контексте, а через призму религиозной, православной традиции» [Леонов, 2010, с. 91].

Олеся Николаева описывает такое свойство как новую реальность, которая открывается в книге: «Это реальность жизни не только “в контексте современности”, но и в контексте священного времени Церкви. Ведь верующий человек общается не только с родственниками-друзьями-коллегами-соседями-согражданами-иностранцами и т. д., но и с миром ангелов и святых, обращается к Матери Божьей и к Самому Господу. И не остается без ответа» [Николаева, 2012(а)].

В прозе Олеси Николаевой *новая реальность* входит в повседневную жизнь. В главе «Вместо предисловия» («“Небесный огонь” и другие рассказы») она повествует о двух следствиях такого совмещения.

Во-первых, Божия воля преобразует человека и указывает путь: «Слышанное мною много раз вдруг претворилось в живое слово, слово бытийное, несущее в себе реальность, слово исцеляющее, слово, обращенное лично ко мне» [Николаева, 2012, с. 8].

Во-вторых, в быту возникают абсурдные ситуации; «есть и истории из церковной жизни, забавные, нелепые, смешные...» [Николаева, 2012, с. 9].

Две столь разные особенности содержания — «исцеляющее слово, обращенное лично ко мне», и случаи, нелепые до смешного, — наилучшим образом соседствуют в рассказах, поскольку жанр рассказа сродни жанрам притчи и анекдота [Тюпа, 2008].

Своеобразие прозы Олеси Николаевой определяет и найденный ею *тон* — словесное самоопределение среди персонажей, и стиливой рисунок. «Соединение простодушия, самоиронии и тонкой наблюдательности создает эффект особого, доверительно-наивного и умного разговора» [Крылова, 2015, с. 134].

Художественный мир: разнообразие персонажей

Среди героев Николаевой — благочестивые миряне, монахи и священники, святые старцы. Персонажи так называемого житийно-идиллического сверхтипа. Для них характерны «*твердые*» установки сознания и поведения: то, что принято называть верностью нравственным устоям. <...> Они открыты миру окружающих, способны любить и быть доброжелательными к *каждому* другому» [Хализев, 1999, с. 165]. Этими качествами, а также дисциплиной, боголюбием героиня стремится походить на своих наставников.

Но образ рассказчицы этому сверхтипу соответствует не вполне. Горячность, воодушевление, решимость приводят к тому, что героиня попадает в ситуации, из которых приходится выходить не без труда. Это приближает ее к противоположному сверхтипу человека авантюрно-героического, «который твердо верит в свои силы... ..Проявляет свою сущность в активных поисках и решительной борьбе, в приключениях и свершениях» [Хализев, 1999, с. 161].

Контраст этих двух начал, *авантюрно-героического* и *житийно-идиллического*, показывает, какими путями персонаж идет и «ищет свое место в мире» [Лепешинская, 2013].

Так, героиня рассказа «Иди и смотри» отправляется в деревню, что под городом Мышкином, по настоянию друга: «Ты вот здесь сидишь у себя в Москве, а там отец Сергей Вишневский в своей глухой деревне от голода и холода погибает...» [Николаева, 2012, с. 140]. Предложение это неожиданное, поскольку, по сюжету, рассказчица даже не знала, что отец Сергей служит уже не в Москве, а «году этак в 91-м» начал восстанавливать деревенский храм ¹. Кроме того, друг предлагает ей в попутчики своего знакомого, который, по его мнению, нуждается в церковном просвещении, хотя и собирается уезжать из страны. У попутчика «жена русская. Это она в Израиле жить хочет. А сам-то я не хочу...» [Николаева, 2012, с. 146]. Ситуация насыщена комичными противоречиями.

Рассказчица принимает предложение. С ее стороны это авантюрный шаг, завязка предстоящих приключений: еле дребезжит автобус, ломается в лесу следующий, одежда не по крещенскому морозу, попутчик-проводник не знает дороги. «Волки завывли громче. Стало совсем темно. Сейчас мы замерзнем, и Боря окажется у теплого моря, на Святой земле. А я отправлюсь домой...» [Николаева, 2012, с. 148].

Но на безлюдном шоссе она молится Николаю Угоднику — и появляется попутная машина, в деревне просится в дом погреться («тогда еще пускали»), в лесу про себя поминает Морозовоев и Снежную королеву — и читает тропарь Рождества. Выручают чувство юмора и упование на Бога, на предстательство святых по молитвенному обращению к ним. Обратный путь, по благословению батюшки, необыкновенно легок.

В заключении рассказа говорится о значении человека в ходе событий. На вопрос, смогла ли она подкормить и поддержать дорогого батюшку, она ответила — «нет»: «У него там все есть! Это он меня подкормил-поддержал. А я просто пришла и посмотрела» [Николаева, 2012, с. 153].

Читатель глазами рассказчицы увидел, что воды освящены Богоявлением, служба совершается самоотверженным рачением священника и что Господь его «напитал уже и без нас», а «мы с Борей доставили им немало хлопот». Божия воля, к которой апеллируют герои, явилась действующим началом сюжета.

Но и воля рассказчицы и ее попутчика сыграли свою роль: они, как могли, переносили тяготы пути, не отчаивались, молились — осилили дорогу. Человек делает, что может, и *смотрит*. Господь все устраивает ко благу.

Противопоставление типажей — авантюрно-героического и житийно-идиллического — снимается. Благая Божия воля действует, и это касается героев любого *сверхтипа*.

Художественный мир: время, пространство и система персонажей

В рассказе «Небесный огонь», давшем название книге, описана поездка в православный монастырь на Фаворе — горе Преображения Господня. Здесь рассказчица окружена другими участниками поездки: «группа была пестрая и по своему социальному составу, и по возрасту, и по степени воцерковленности» [Николаева, 2012, с. 391].

В рассказе и книге в целом запечатлен *пестрый* мир. Героиня предстает в ряду разноплановых персонажей.

Крупно показана «деревенская бабка со злыми-презлыми глазами, кучей денег и костылем, которым она чуть что — била попутчиков по ногам», и «мужик лет сорока пяти, дюжий и видный, но простецкий». Другой полюс — «продвинутые», которые всем своим поведением подчеркивают свою религиозность [Николаева, 2012, с. 391–392].

Героиня с достоинством занимает срединное положение — и высокомерие «продвинутых», и маловерие «простецких» недалеко от нее. Но оба искушения легко преодолеваются гордыней: «ничего большего мне для моей веры вроде бы и не нужно: ни миротечений, ни облаков» [Николаева, 2012, с. 394].

Народ преображается, когда во время причащения из облака на всех нисходит чудесный огонь как действие силы Божией: «...все пространство и в небе, и на земле пронизано этими веселыми праздничными огненными птичками, змейками, молниями, зигзагообразно

¹ По преставлении (21.03.2017) протоиерея Сергея Вишневого среди множества благодарных воспоминаний о нем на портале Православие.ру был переиздан и рассказ Олеси Николаевой. URL : <http://www.pravoslavie.ru/102147.html> (дата обращения: 17.03.2020).

пляшущими в воздухе и выхватывающими из тумана ликующие лица, протянутые руки, которые тянулись прикоснуться, а то и схватить небесный огонь, сошедший в мир» [Николаева, 2012, с. 396].

Преображены все герои. В «злющей бабке» проглядывает «что-то милое, детское, простодушное». «Наш мужик — тот самый, который подозревал греков в корысти и надувательстве», объявляет: «Бог им это тут все устраивает! А я одну-то молнию чуть не поймал!» [Николаева, 2012, с. 396].

И тогда рассказчица оставляет ложное самомнение: «— Ну что? — спросила я у себя — той, которая поначалу все говорила, умничая... Но той — больше не было» [Николаева, 2012, с. 396].

Как и в рассказе «Иди и смотри», в развязке сюжета героиня оказывается среди тех, кто испытал действие силы Божией и вразумился в меру возможности. Рассказчик, разделяя чувства окружающих, непринужденно говорит о Небе, находясь на земле, в гуще событий.

Художественный мир: персонаж как носитель речи

Стилевые средства широкого спектра позволяют Олесе Николаевой описать разнообразие людей и положений.

В «Небесном огне» герои наделены яркими речевыми характеристиками. У «видного мужика» — просторечная лексика (все «на юморе и на приколе» [Николаева, 2012, с. 393]), как и у старухи с костылем («Чего вылупилась?» [Николаева, 2012, с. 391] — говорит она помощнице-переводчице).

«Продвинутые» паломницы используют лексику разговорного стиля, но исключительно на религиозные темы («А мне мой батюшка говорил...», «А вот мне мой старец...» [Николаева, 2012, с. 391]).

Слова «продвинутые», «замолившиеся» употребляются автором в кавычках, как чужая речь, указывая на свойства лиц, с точки зрения тех, кто с ними знаком. Подобным способом описан сын-спонсор «злющей бабки»: «по всей видимости, не то чтобы “реальный коммерс”, а просто — “конкретный пацан”» [Николаева, 2012, с. 391–392].

Многообразие социальных жаргонов отражает пестрый состав группы в целом.

Отношение к чужому слову характеризует героев не менее убедительно, чем особенности их собственной речи. В рассказах Николаевой значительную роль играет взаимная оценка высказываний персонажей.

Значение речевых характеристик описано в рассказе, который так и называется — «Речевые характеристики» (он вошел в сборник «“Господи, что с нами будет?” и другие рассказы» (2017)).

Героиню рассказа «Речевые характеристики» юноша-семинарист выделял среди других девушек за ее немногословие, которое считается достоинством: «Как-то так получилось, что я никогда не слышал, как она говорит. Так только: да-да, нет-нет» [Николаева, 2017, с. 85].

Когда семинарист со своим отцом-генералом пришел в гости в семью девушки, «потенциальная невеста вставила наконец свое слово: — Поначалу все кажутся белыми и пушистыми... Вынуждена констатировать: трудно по жизни найти свою половинку... Многие девушки стараются, мордашки красят... А все либо мимо кассы, либо им в самую моську...» [Николаева, 2017, с. 83–84]. Ее отец и мать подают реплики в том же духе.

Речь свидетельствует о культурном уровне персонажей, об их интересах, об отношениях с окружающими людьми. Просторечные высказывания героини подчеркивают комизм ситуации, а смысл слов «прислушайся к себе!» в ее устах противоречат смыслу происходящего.

В итоге здравомыслящий и остроумный генерал, мрачно вздохнув, соглашается, чтобы его сын остался «этим... как это? Белым и пушистым, вот!» [Николаева, 2017, с. 85].

Стилистические ориентиры определяются не сословием (военное, духовное, мещанское), а личным устроением человека. Девушка вскоре благополучно вышла замуж за другого семинариста.

Повзрослевший герой делает вывод о значении слова. В слове проявляется человек, и это позволяет узнать волю Божию о нем: «Такой вот вышел у меня в свое время *пренцендент*. А все — *констатирую* — эти речевые характеристики. Получается, что через них получил я от Господа верный знак» [Николаева, 2017, с. 85].

Речь героев — носителей литературной нормы, в том числе самой рассказчицы, экспрессивна. Так, в описании небесного огня радость передается перечислением чудесных явлений («огненные птички, змейки, молнийки»), примет облика собравшихся («ликующие лица, протянутые руки»), локусов («пространство и в небе и на земле»). Однородные ряды охватывают во всей полноте картину происходящего.

Эмоциональность часто вызвана воодушевлением, азартом в поиске смысла. Азарт писательского труда, схожий с охотничьим, описан в рассказе «Новая диета»: «Зверь ведь как? Он работает голодным. <...> Вот и я. Встаю утром, пью кофе и до самого вечера охочусь за символической добычей» [Николаева, 2017, с. 161]. В рассказе приведен пример *символической добычи*: это мысль о том, что «еда — это воплощенная милость Божия. Его овеществленная щедрость» [Николаева, 2017, с. 163].

Цитация: актуальность священного текста

Раскрытие смыслов, которые могут не замечаться по невниманию, — среди задач книги. Цитаты из Священного Писания, святоотеческой литературы, молитв, в которых запечатлен смысл бытия, входят в текст Олеси Николаевой.

В «Новой диете» после фрагмента про старушку, которая на земле «наугощалась вволю» [Николаева, 2017, с. 163], приводится начало молитвы перед вкушением пищи («Очи всех на Тя, Господи, уповают...»). Смысл молитвы, восходящей к тексту Псалтири, раскрыт в эпизодах и в рассуждениях.

В рассказе «Не знаете, чего просите» рассказчица вспоминает слова преподобного Нила Сорского о том, как он «упорствовал в прощении, неразумно принуждая Божию волю и не предоставляя Богу устроить лучше...» [Николаева, 2012, с. 122]. Рассказ «от обратного» доказывает справедливость этой мысли на примере женщины, которая с излишней точностью определяла качества желаемого жениха — и пострадала от того, что ее пожелание в точности исполнилось.

Заглавие рассказа «Не знаете, чего просите» — цитата из Евангелия. Два апостола просили Господа сесть в Царстве Его «один по правую сторону, а другой по левую», а Он отвечал: «Не знаете, чего просите» (Мф 20: 21–22). Господь указывает на судьбоносные для всего человечества будущие подвиги апостолов. Однако автор рассказа цитату приводит применительно к событиям, которые важны только для участников: неудачный брак, временная разлука с ребенком. Способ цитирования в рассказе показывает, каким образом слова Евангелия имеют отношение ко всем и каждому.

Слова «Иди и смотри» — из Откровения Иоанна Богослова. Многоочитые небесные животные указывают Тайнозрителю на четырех апокалиптических всадников (Откр. 6:1–7). В рассказе Николаевой цитация в заголовке указывает на значимость тех повседневных событий, которые *увидят* герои, если будут *идти* указанным путем².

Итак, слово Церкви вписывается в ход рассказа только верностью формулировки, не выделяясь характером экспрессии. Оно органично входит в ткань повествования.

Когда паломники погружены в «небесный огонь, сошедший в мир» [Николаева, 2012, с. 396], рассказчица вспоминает из Евангелия: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк.12:49). Эти слова главного Участника события углубляют смысл видимого.

Особенности теоцентричной прозы

Рассказ «Небесный огонь» — наглядный пример того, как устроено художественное время в новой литературе. Преображение произошло две тысячи лет назад. Преображение совершается и когда паломники прибыли в монастырь на Фаворе. Значение события непреходящее, вечное, и притом люди участвуют в нем здесь и сейчас.

Так устроен *художественный мир* современной прозы [Хализев, 1999]. Каждая точка времени и пространства имеет выход в вечность.

Описано присутствие Неба на земле. В храме отца Сергия «при всей его неухоженности чувствовалось, что там веет Дух Святой, там совершается Божественная литургия». Герои присутствуют в Вечности при Богоявлении, которым, как в древности, как и ежегодно, освящается мир: «И все в первозданном снегу! В чистоте! <...> Освященных водах!» [Николаева, 2012, с. 153]. Здесь и сейчас герои созерцают чудо Богоявления.

Пространство, как и время, — вечное, благодатное. И одновременно оно сугубо здешнее, обыденное.

В рассказе «По следам вышедшей книги ““Небесный огонь” и другие рассказы”» писательница получает письмо от читателя. Его возмутило слово «пустынька» по отношению к

² Выражение «Иди и смотри» было актуализировано в культуре позднесоветского времени, став названием трагического фильма (1985) Элема Климова по книгам Алеся Адамовича о зверствах нацистов.

Ракитному Белгородской области. «Дескать, все это ложь, Ракитное — райцентр!» [Николаева, 2017, с. 6]. Действительно, Ракитное — райцентр.

Но слово «пустынька» означает также место служения подвижника, как, например, в житии святого Серафима Саровского. Старец Серафим (Тяпочкин) жил в Ракитном с 1961 года до своего преставления в 1981 году и называл свое местопребывание «пустынькой». В поселок ехали духовные чада. Возрождались души. Творились чудеса. О старце Серафиме читаем в рассказах «Повелитель дождя», «Денька два-три» и др.

Рассказчица придает слову «пустынька» еще одно значение. Когда к 1980-м она попала в Ракитное, «работники идеологического фронта еще и подпаивали да натравливали комсомольцев на верующих. Ретивые молодые ленинцы, приняв на грудь, врывались во время богослужения в храм... мяукали, гавкали, пьяные... Где-то орудовали сектанты... Это поистине была духовная пустыня!» [Николаева, 2017, с. 6–7].

Итак, Ракитное показано одновременно как райцентр, как духовная пустыня и как *пустынька* служителя Божия.

Так устроено художественное пространство. Любое место — точка приложения разнонаправленных сил. Из любой точки человек может воззвать к Небу и получить ответ.

Рассказчица вовлечена в перипетии жизни разных лиц. Ее образ связан и с житийно-идиллическим сверттипом [Хализев, 1999], и с авантюрно-героическим, что снимает барьер между героями разного душевного устройства³, показывая, что взаимодействие всех со всеми возможно.

Рассказчик, которому может быть известно больше, чем другим героям, оказывается в то же время на равных с ними, так как тоже ошибается, сомневается, а порой и заблуждается.

Срединное положение рассказчицы и стилевое многоголосье способствуют созданию обширной, *энциклопедичной* портретной галереи.

Обыденные и чудесные события входят в один сюжетный ряд безотносительно к ходу времени или к социальным разграничениям. Любое дело выполнимо для Бога. «Преодоление дикого хаоса человеческого бытия» [Лепешинская, 2013] оказывается возможным.

Устройство художественного мира говорит о том, что любой момент времени, любая точка пространства доступны вечности. В сюжетах путешествий в человеке происходят внутренние изменения по мере движения-восхождения к месту паломничества. В бытовых сюжетах Вечность открывается человеку, который внимателен к значению слов, происшествий, поведения. Цитирование бессмертных текстов, включение их в ткань произведения — еще один способ показать, как связаны время и вечность.

«Творческое целительство» [Роднянская, 2018, с. 191], «не скрывающее своей серьезности и даже учительности слово» [Шайтанов, 2006, с. 49] — означают установку на внелитературные задачи.

Внелитературная функция текста автором теоцентричной прозы встроена в процесс рассказывания. Задача писателя — поведать об удивительных свойствах Божия мира и Божия Промысла — равна задаче рассказать о мире и человеке.

Теоцентричная проза 2000-х годов

Сборник ««Небесный огонь» и другие рассказы» имеет многие общие черты с другими книгами последних десятилетий, созданных авторами разных поколений.

2000-е годы стали временем выхода *теоцентричной* прозы к широкому читателю, ее развития. Явился православный писатель, который видит мир именно таким — открытым Вечности, связанным с нею.

Олеся Николаева говорит от первого лица. От себя ведут рассказ в малой прозе отец Ярослав Шипов, Николай Блохин, отец Николай Агафонов, Ольга Рожнёва, Валерий Лялин (причем В. Лялин, как и Лидия Запарина, рассказывает «от себя» об очень разных людях). От первого лица пересказывает Юлия Вознесенская историю своей духовной наставницы в повести «Мои посмертные приключения» [Бойко, 2014].

Форма первого лица — «я» — входит в триаду координат актуальности — «я — здесь — сейчас», характерных для православного сознания. Повествование современных писателей обращено к настоящему, с его выбором и поступком в отличие, например, от произведений,

³ Выкладки В. Е. Хализева о сверттипах персонажей и особенно о видах авторской эмоциональности поражают точностью в применении к произведениям рассматриваемого нами ряда.

запечатлевших ностальгию по золотому веку либо чаяние будущего коммунистического благоденствия.

Рассказчик среди тех, кто ошибается, сомневается, учится по ходу действия — и вразумляется. Это позволяет писателю показать и светлые, и неприглядные свойства человека с пониманием и состраданием. Отец Ярослав Шипов и Олеся Николаева стали признанными мастерами такого приема.

Рассказчик участвует в событиях, дружит с героями, становится их сподвижником. Так же построены жизнеописания наших сверстников, принявших мученический венец: «Пасха красная» Нины Павловой, «В руки Твои, Господи...» Анастасии Рахлиной и др.

Рассказы сборника «Небесный огонь...» образуют единство, складываясь в целое на основе смысловой дополненности. Подобным образом составлены сборник-цикл «Отказываться не вправе» отца Ярослава Шипова, «Флавиан. Жизнь продолжается» отца Александра Торика, «Несвятые святые» отца Тихона Шевкунова, «Михайлов день» Нины Павловой.

Так в новой литературе создается образ человека — части мироздания и мироздания как творения Божия.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Николаева Олеся. «Небесный огонь» и другие рассказы. — 2-е изд., испр. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. — 496 с.
2. Николаева Олеся. «Вся хорошая литература, по сути, и есть православная» / Беседовала П. Тюренкова // Культура: духовное пространство русской Евразии. 2012(а), 25 мая. — URL : <http://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/olesya-nikolaeva-vsya-khoroshaya-literatura-po-suti-i-est-pravoslavnaya/> (дата обращения: 17.03.2020).
3. Николаева Олеся. В книгах Искандера можно поселиться и жить // Омилия : международный литературный клуб. — 2016, 4 авг. — URL : <https://omiliya.org/article/olesya-nikolaeva-v-knigah-iskandera-mozhno-poselitsya-i-zhit> (дата обращения: 17.03.2020).
4. Николаева Олеся. «Господи, что с нами будет?» и другие рассказы. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2017. — 704 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко С. Для бессмертных: инструкции. Православная книга сегодня // Вопросы литературы. — 2014. — № 5. — С. 61–88.
2. Варламов А. Олеся Николаева. «Небесный огонь» и другие рассказы. Шехерезада и православный канон // Знамя. — 2012. — № 9. — С. 211–213.
3. Здесь и там / И. Роднянская // Новый мир. — 1998. — № 11. — С. 209–214. — Рец. на кн. : Олеся Николаева. Amor fati. Стихотворения. 1989–1996. СПб. : Инапресс, 1997. 184 с.
4. Леонов И. Современная духовная проза: типология и поэтика // Русский язык за рубежом. — 2010. — № 4. — С. 89–95.
5. Лепешинская Феофила, игум. «Меценат» Олеси Николаевой : энцикл. рус. жизни // Киновия: Богородично-Рождественская девичья пустынь. — 2013, 29 июля. — URL : <https://www.feofila.ru/mecenat-olesi-nikolaevoy-jenciklop/> (дата обращения: 17.03.2020).
6. Новинки русской литературы XXI века. Материалы к лекциям : учеб. пособие : в 3 ч. / под общ. ред. С. В. Крыловой. — М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2015. — Ч. 1. — 168 с.
7. Роднянская И. «Христианская нация» в заколдованном мире // Знамя. — 2018. — № 5. — С. 188–195.
8. Тюпа В. Рассказ прозаический // Поэтика : слов. актуальных терминов и понятий. — М. : Изд. Кулагиной : Intrada, 2008. — С. 201–202.
9. Хализев В. Е. Теория литературы. — М. : Высшая школа, 1999. — 398 с.
10. Шайтанов И. О. Двадцатый или двадцать первый? // Вопросы литературы. — 2006. — № 5. — С. 42–51.

Сведения об авторе

Бойко Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Новейшего времени Института филологии и истории Российского государственного университета.

S. S. Boyko

**Celestial Fire:
the Fictional Universe of Olesya Nikolayeva's Stories ***

In the 21st century, Russia sees the zenith of Orthodox writers. A researcher I. Leonov maintains that the main peculiarity of Orthodox prose is its theocentric character. It means that the writer and some of the characters treat God as the center of the universe, which defines the poetics of theocentric prose fiction.

Theocentric prose is different from modern prose. There are tens of writers whose books have been numerously republished. However, the absence of an established terminology hampers the investigation of theocentric prose.

According to V. E. Khalizev, to fully analyze prose, to see its unique character, to assess it in a wider literary context, one should understand the fictional universe. Investigating fictional universes, one analyzes the system of characters, the peculiarities of their speech and behavior patterns, space and time correlations, the plot in its functions.

Olesya Nikolayeva maintains that her prose is a new reality. According to the writer, the world is theocentric: space, time and people are closely related with the eternity. The mundane and the miraculous are intricately connected. Her texts are completed with Scripture quotes and quotations from common prayers. She focuses on literary and extra-literary tasks. All events are related to the I-am-here-and-now situation. The storyteller is involved with the life of other characters. She is one of those who makes mistakes, doubts, and repents. The storyteller is somewhere in between the author and the characters. The stylistic plurality helps create an encyclopedic system of characters. God's will influences the plot as well as the will of characters. Theocentric prose has been actively developing through the recent decades. There are modern writers who depict the world as God's creation and humans as a part of God-created universe.

storyteller; routine, ideal and heroic supertype; speech characteristics; system of characters; fictional space and time; quotation

SOURCES AND ABBREVIATIONS

1. Nikolaeva Olesja. *"Nebesnyj ogon'" i drugie rasskazy* [Celestial Fire and Other Stories]. Moscow, Candlemas Monastery Publ., 2012, 496 p. (In Russian).
2. Nikolaeva Olesja. "All good literature is Christian in its essence" *Kul'tura: duhovnoe prostranstvo russkoj Evrazii* [Culture: Spiritual Space of Russian Eurasia]. 2012(a), May 25. Available at : <http://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/olesya-nikolaeva-vsya-khoroshaya-literatura-po-suti-i-est-pravoslavnyaya/> (accessed: 17.03.2020). (In Russian).
3. Nikolaeva Olesja. One can live in Iskandar's books. *Omiliya: mezhdunarodnyj literaturnyj klub* [Omilya: International Literary Society]. 2016, Aug. 4. Available at : <https://omiliya.org/article/olesya-nikolaeva-v-knigah-iskandera-mozhno-poselitsya-i-zhit> (accessed: 17.03.2020). (In Russian).
4. Nikolaeva Olesja. *"Gospodi, chto s nami budet?" i drugie rasskazy* ["Dear God, what will happen to us?" and Other Stories]. Moscow, Candlemas Monastery Publ., 2017, 704 p. (In Russian).

REFERENCES

1. Boyko S. Instructions for the Immortal. Orthodox Books Today. *Voprosy literatury* [Literary Issues]. 2014, no. 5, pp. 61–88. (In Russian).
2. Varlamov A. Olesya Nikolayeva "Celestial Fire" and Other Stories. Scheherazade and Orthodox Canons. *Znamja* [Banner]. 2012, no. 9, pp. 211–213. (In Russian).
3. Rodnjanskaja I. Here and There. *Novyj mir* [New World]. 1998, no. 11, pp. 209–214. Recenzija na knigu: *Olesja Nikolaeva. Amor fati. Stihotvorenija. 1989–1996* [A Book Review. Olesya Nikolayeva. Amor Fati. Poems. 1989–1996]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1997, 184 p. (In Russian).
4. Leonov I. Modern Spiritual Prose: Typology and Poetics. *Russkij jazyk za rubezhom* [The Russian Language Abroad]. 2010, no. 4, pp. 89–95. (In Russian).

* Boyko S. S. Celestial Fire: the Fictional Universe of Olesya Nikolayeva's Stories. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 2 (67), pp. 128–137. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.013>

5. Theophila Lepeshinskaya, abbess. Olesya Nilolayeva's "Maecenas": an Encyclopedia of Russian Life. *Kinovija: Bogorodichno-Rozhdestvenskaja devich'ja pustyn'* [Monkish Hostel: Monastery of the Nativity of the Blessed Virgin Mary]. 2013, July 29. Available at : <https://www.feofila.ru/mecenat-olesi-nikolaevoj-jenciklop/> (accessed: 17.03.2020). (In Russian).
6. Krylova S. V. (ed.). *Novinki russkoj literatury XXI veka. Materialy k lekcijam* [New Russian Books of the 21st Century. Materials for Lectures]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2015, part 1, 168 p. (In Russian).
7. Rodnjanskaja I. "The Christian Nation" in a Bewitched World. *Znamja* [Banner]. 2018, no. 5, pp. 188–195. (In Russian).
8. Tjupa V. Short Stories. *Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* [Poetics: a Dictionary of Terms and Concepts]. Moscow, Kalugina Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 201–202. (In Russian).
9. Halizev V. E. *Teorija literatury* [Literary Theory]. Moscow, Higher School Publ., 1999, 398 p. (In Russian).
10. Shajtanov I. O. The Twentieth or the Twenty First? *Voprosy literatury* [Literary Issues]. 2006, no. 5, pp. 42–51. (In Russian).

Information about the author

Boyko Svetlana Sergeyevna — Doctor of Philology, Professor in the Department of Modern Russian Literary History at the Institute of Philology and History of Russian State University.
Research interests: Russian literary history in the 20th — 21st centuries.
Contact information: e-mail: svetlana-boyko@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.03.2020
Received 24.03.2020